

Монгольские «обо» и их этнографические параллели.

Е. Г. Кагарова.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 21 апреля 1926 года).

Как известно, в Монголии, Тибете и у бурят существует обычай сооружать на вершинах гор или на горных проходах кучи камней (реже хвороста), причем каждый прохожий кидает в эту кучу камень в честь горного духа. Такие кучи носят название «обо». Они украшаются «хадаками» (продолговатыми шелковыми платками), «дарцаками» (кусками тканей с отпечатанными на них буддийскими молитвами и изображениями воздушного коня и др.), лентами на высоких жердях и т. д. Возле «обо» подвешивают образ доброго гения, Далха. Периодически, обычно раз в год, у «обо» справляется торжественное празднество: ставятся жертвенные чаши с молоком, аракой и вареным мясом, лама совершает богослужение, население молится, падая ниц, прикладывается к образу Далха, бросает монеты и камешки на «обо» и т. д. По окончании богослужения садятся на коней, объезжают вокруг «обо» три раза, и начинается «наир», т.-е. скачки, стрельба, борьба и т. п. развлечения. Иногда рядом с центральным «обо» сооружаются и боковые, на восток и запад, в одну линию с центральным. У бурят-шаманистов различные обряды у каменных куч совершаются шаманами.

У калмыков «обо» устраиваются в степи на маленьких холмиках или у ручьев, в честь хозяина данного места.

В опасных местах бурятами сооружаются кучи из камней, называемые уже не «обо», а «барица», т.-е. место подношения или остановки (от глагола *бариха* — держать, преподносить).

Литература об «обо» довольно обширна, но в ней преобладает описательный момент. Приведу наиболее важные труды, посвященные данному

вопросу: Дуброво, Поездка в Монголию, Изв. Вост.-Сибирск. Отд. Имп. Русск. Географ. О-ва, 1884, т. XV, № 1—2, стр. 40—80, № 5—6, стр. 9 сл.; С. Д. Шадгарон и Б. Д. Очиров, Игры и увеселения Агинских бурят, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, Зап. Имп. Русск. Географ. О-ва по Отд. Этногр., 1909, т. XXXIV, стр. 468—473; Дорджа Банзаров, Черная вера, СПб., 1891, стр. 18—20; А. Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей и духовенства в Монголии, СПб., 1887, стр. 403—411. Изображения «обо» имеются в следующих изданиях: Douglas Carruthers, Unknown Mongolia, London, 1914, p. 246—247; Г. Ц. Цыбилов, Буддист-паломник у святынь Тибета, Пгр., 1919, стр. 321 и друг.

Обычай устраивать в известных местах каменные кучи, причем каждый прохожий обязательно должен бросать в кучу камень, ветку или какой-нибудь другой предмет, является одним из наиболее распространенных обычаев чуть ли не у всех народов земного шара. Несмотря, однако, на это, вопрос о сущности и происхождении его до сих пор представляется спорным и неясным. Рассмотрим прежде всего имеющийся в нашем распоряжении фактический материал.

Уже в малоазийском и критско-микенском культурных циклах мы встречаем на памятниках искусства (хеттские цилиндры, кносские печати) изображения каменных куч, представляющих горные вершины.¹ В Библии упоминается об обычае забрасывать могилы преступников камнями.² Другой смысл имела каменная куча, воздвигнутая Иаковом (сыном Исаака и Ревекки) на том месте, где им был заключен мирный договор с Лаваном.³ Целый ряд паломников первых веков христианства описывает каменные груды в Палестине, покрывающие могилы ненавистных народу покойников: каждый проходящий мимо кидает на кучу камень.⁴ Подобные кучи встречаются в большом количестве на всем мусульманском Востоке, где, наряду с каменными кучами, покрывающими могилы ненавистных или опасных покойников, мы встречаем нередко груды, воздвигнутые в честь магометанских святых, а также кучи камней, играющие роль простых дорожных знаков (см. ниже). Аналогичные обычаи засвидетельствованы для множества других народностей. Зачастую бросание камней рассматривается не как жертва покойнику, а как способ освобождения от усталости путника

¹ Ed. Meyer, Land und Kultur der Chetiter. Berlin, 1914, Fig. 69, 90; ср. A. Evans, Journal of Hellenic Studies, 1901, p. 117, fig. 12, где два демона совершают жертвоприношение перед грудой камней, на которой стоит божество горы.

² История Ахана, рассказанная в VII главе Книги Иисуса Навина; предание об Авессаломе во 2-ой Книге Царств, XVIII, 17.

³ Книга Бытия, XXXI, 46.

⁴ Archiv für Religionswissenschaft, 1912, Bd. XII, p. 137.

путем перенесения последней на камень. Эти обычаи и представления зарегистрированы у большинства американских племен, у туземцев Африки, Индии, Кавказа, у даяков, в Новой Зеландии, Монголии, в других странах Средней Азии и т. д., как видно из многочисленных примеров, собранных K. Haberland,¹ R. Andree,² F. Liebrecht,³ J. G. Frazer.⁴

Обращаясь к европейским народностям, мы встречаемся с интересующим нас явлением прежде всего в древней Греции, где сброшенные в кучу камни считались посвященными Гермесу, как богу дорог, и носили название *έρμαια*, *έρμαχες*, *έρμαια λόφοι*. С ними греки иногда связывали, как явствует из приводимых античными писателями культовых легенд, идею надгробия, воздвигнутого над могилой покойника.⁵

Бросание камней в кучи сохранилось в виде пережитка у многих народов Европы до наших дней. В числе исповедальных вопросов X века фигурирует, между прочим, следующий: «Не сооружал ли ты возвышенный из камней». На этот вопрос и сейчас не всякий крестьянин ответит отрицательно. В Тиролях Альпах, в Винчау возвышается на горной тропинке каменная куча, в которой, согласно народному воззрению, имеют свое местопребывание горные феи; каждый ребенок, поднимаясь впервые в гору, должен, подняв с земли камень, поплевать на него и бросить в кучу со словами: «Приношу жертву феям Альп», иначе его постигнет несчастье. Сходные обычаи наблюдаются во Франции, Ирландии, Испании, Германии, Скандинавии, Эстонии и т. д.⁶

У славянских народов также встречаются описанные выше обычаи. В частности, во многих местностях европейской части СССР существует обыкновение бросать на могилы покойников, погибших насильственной смертью, различные предметы. Проф. Д. К. Зеленин собрал ряд случаев, когда каждый проходящий и проезжающий считает своим долгом кинуть на могилу самоубийцы, утопленника и т. п. какую-нибудь вещь: камень, ветку, солому, сено и пр.⁷

Вопрос о сущности и происхождении подобных *έρμαια* или «обо» давно уже составляет предмет оживленных споров и более или менее остроумных

¹ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1880, Bd. XII, p. 289—309.

² Ethnographische Parallelen, p. 46 sqq.

³ Die geworfenen Steine. Germania, 1877, Bd. XXII, p. 21 sqq. = Zur Volkskunde, p. 207 sqq.

⁴ The Scapegoat = The Golden Bough, 1913, v. VI, p. 8—30.

⁵ См. цитаты у de Visser. Die nicht menschengestaltigen Götter der Griechen. Leiden, 1903, § 75 sqq.

⁶ См. приведенные у Haberland, Liebrecht, Andree и Frazer примеры.

⁷ Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Прп., 1916, т. I, стр. 29 сл.; ср. M. Murko, Wörter und Sachen, 1910, Bd. II, p. 159—160.

гипотез. L. Preller,¹ усматривал в них древнейшее воплощение бога дорог Гермеса, долее всего продержавшееся в Греции на перекрестках, благодаря тому, что каждый прохожий кидал камень в кучу. Fr. G. Welcker² считал их дорожными знаками, поставленными путешественниками в ту пору, когда не существовало еще дорог. На эту же точку зрения становится L. R. Farnell,³ полагающий, что они были первоначально путевыми знаками (waymarks), сооруженными путешественниками в то время, когда не было еще проложенных дорог, и сравнивает их с каменными кучами, расположенными по линии таможенной стражи вдоль берегов Англии. Эти кучи считались табу, вследствие того, что были посвящены богу дорог. Lubbock⁴ видел здесь пограничные знаки.

Другая группа исследователей усматривает в бросании камней и прочих предметов в кучу акт единения с божеством, достигаемый тем, что какая-нибудь вещь, находящаяся в тесной связи с молящимся, приходит в соприкосновение с божеством, точнее с его обителью. Такого мнения держится, например, E. S. Hartland,⁵ объясняющий данный обычай, как «acts of ceremonial union with the spirit identified with well, with tree, or stock, or cairn», Равным образом A. C. Haddon⁶ видит здесь «an act of ceremonial union with the immanent spirit»; к этому же толкованию присоединяется de Visser.⁷

Третью группу составляют исследователи, объясняющие каменные кучи обычаем кидать на могилы некоторых покойников, например умерших носильственной смертью, колдунов и пр., различные предметы. Уже Liebrecht,⁸ основываясь на свидетельстве Павсания, полагал, что греческие *ἐρμαῖα* были старинными надгробиями. Опираясь на обширный этнографический материал и исходя из представления первобытного человека о душе умершего, как злобной и мстительной силе, K. Haberland,⁹ пытается доказать, что кучи камней, набрасывавшиеся на труп особенно опасных мертвецов, имели целью создание преграды для выхода души умершего на землю. Bernh. Schmidt,¹⁰ исходя из современного греческого фольклора,

¹ Griechische Mythologie, 1894, Bd. I⁴, p. 386, Anmerk. 5.

² Griech. Götterl., Bd. II, p. 455.

³ Cults of the Greek States, 1909, vol. V, p. 18.

⁴ Origin of Civilization, 1870², p. 301 sqq.

⁵ The Legend of Perseus, vol. II, p. 205 sqq.; особенно 238.

⁶ Magic and Fetishism. London, 1910, p. 8 sq.

⁷ Op. cit., Bd. II, § 80.

⁸ Op. cit.

⁹ Op. cit., p. 308—309.

¹⁰ Steinhaufen als Fluchmale, etc. Fleckeisens Jahrbücher für Philologie, 1893, Bd. CXLVII, p. 369—395; Neugriech. Volkskunde. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, etc., 1911, p. 662 sqq.

предполагает, что бросание камней в кучу играло роль символического проклятия по адресу преступника или врага. В Греции в настоящее время путник, проходящий мимо сложенных в кучу камней кидает в нее камень со словами проклятия по адресу врага (ἀνάθεμα 'σ τοὺς γονέους, 'σ τὴν ψυχὴν καὶ 'σ τὰ παῖδιά του). В дальнейшем эти каменные груды становятся святынями Гермеса χθόνιος или χάτοχος, как божества подземного царства, к которому обращаются с просьбой погубить противника,¹ или же превращаются в надгробные памятники. Впоследствии, когда Гермес становится богом дорог и путешественников, каменные кучи рассматриваются как его алтари, а бросание камней приобретает характер жертвоприношения. К взглядам В. Schmidt примыкают в большей или меньшей степени Н. v. Prott,² P. Stengel,³ O. Gruppe.⁴ Возражения против гипотезы В. Schmidt или отдельных ее сторон сделаны были de Visser,⁵ M. Murko,⁶ M. Nilsson,⁷ L. Curtius,⁸ J. H. Lipsius,⁹ К. 'Α. 'Ρωμαῖος¹⁰ и др.

Целый ряд исследователей приписывает камнеметанию анотропейское значение вообще, т.-е. видит в нем средство, отвращающее злые силы и сглаз: Gruppe,¹¹ Witold Klinger,¹² M. Murko¹³ и др.

Таким образом, несмотря на долгую и упорную работу научной мысли, мы все еще, повидимому, стоим перед неразрешимой загадкой.

На самом деле, комплекс верований и обрядов, обозначаемый мною для краткости терминами ἐρμαῖα-«обо», представляет собой слишком сложное явление, отдельные формы их, хотя и сходные между собой, слишком резко отличаются друг от друга по природе, чтобы можно было выводить их из одного общего источника. Совпадение первоначально различных по характеру и происхождению элементов составляет обычное в истории культуры явление. На правильный путь стал отчасти уже Frazier, подчеркивающий невозможность возведения интересующих нас обычаев к единому

¹ См. мое исследование: Древне-греческие таблички с проклятиями, Харьков, 1918, стр. 30 сл., и стр. 62.

² Bursians Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft, 1899, Bd. CII, p. 77.

³ Griechische Kultusaltert., 2 Aufl., p. 76.

⁴ Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Bd. II, p. 888.

⁵ Op. cit., § 80.

⁶ Op. cit., Bd. II, p. 159.

⁷ Griechische Feste. Leipzig, 1906, p. 389.

⁸ Die antike Herme. Leipzig, 1903, p. 12, Anmerk. 1.

⁹ Griechische Altertümer, Bd. II⁴, p. 273, Anmerk. 6.

¹⁰ 'Αθήνα 1908, XX, 401 sq.

¹¹ Op. cit., Bd. II, p. 888.

¹² Kamién w praktykach i zabobonach ludowych Wisła, 1905, t. XIX, p. 475, 478.

¹³ Op. cit., p. 169.

принципу,¹ но он не пытается вскрыть генетическую связь между разбираемыми явлениями и установить основные этапы эволюции.

Всматриваясь внимательно в описанные выше обычаи и поверья мы легко можем подметить одну общую им черту: они носят ярко выраженный социально-императивный характер, знаменуя собою как бы неперемное участие *всей* общины в данном акте (обязательное *для каждого* прохожего бросание камней). Подобную же фикцию мы находим в ритуале аттических буфоний, где все должны участвовать, хотя бы символически, в убиении быка и причащении его плоти.² Эта особенность проливает свет на смысл и происхождение одного круга занимающих нас здесь явлений, который необходимо рассматривать как обломок первобытного обычая, забрасывать могилы «заложных» (по терминологии Д. К. Зеленина) покойников, т.-е. самоубийц, преступников, врагов и т. д., камнями и прочими предметами.

Выросший на почве примитивного института литоболли,³ как одной из форм коллективной расправы с преступником, обычай забрасывания могилы опасного покойника первоначально имел целью подчеркнуть коллективный характер совершенного акта расправы, распространить ответственность за него на всех членов данной общины. В утопическом государстве Платона⁴ виновный в убийстве родственника должен быть побит камнями всенародно (*ὅπερ ὅλης τῆς πόλεως*). Отсюда развитие шло, как я думаю, в двух направлениях: с одной стороны, ввиду повсеместно распространенной веры в пагубное влияние «заложных» покойников, возникает обычай бросать на их могилы камни и различные иные предметы с целью отвращения их мести, ограждения живых от посещений покойника (момент апотропеический), с другой — этот обычай приобретает значение умиловительной жертвы духу покойного, так как каждый новый камень увеличивая надгробный холм, является актом почитания усопшего: бросающий его на могилу тем самым как бы участвует в погребении «заложного» покойника (момент гиластический). Из первого вырастает затем очистительное (катартическое) значение обряда и символика проклятия, столь тщательно обследованная В. Schmidt (см. выше), из второго — жертвенное значение данного обычая.

В стороне стоит обыкновение путешественников бросать камни, ветви

¹ Frazer. Op. cit., p. 23.

² Ср. мое исследование: Культ фетишей, растений и животных в др. Греции, СПб., 1913, стр. 250.

³ Об институте побоев камнями см. R. Hirzel, Die Strafe der Steinigung, Abhandlung der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch—historische Kl., 1909, Bd. XXVII, p. 255 sqq.

⁴ Legg. IX, 873 b.

дерева и прочие предметы по направлению к куче, чтобы избавиться от усталости: он основан на вере в возможность магической передачи того или иного свойства предмету путем соприкосновения («контагиозная» магия английских этнологов). Магическое же значение имеет бросание камней через голову в греческом мифе о Девкалионе и Пирре и друг., а также камнеметание, как противочародейство, сводящееся к принципу: «демон против демона», так как если кинуть камень между демонами, они бросятся друг на друга;¹ (ср. параллель у Гримма:² если между двумя друзьями упадет камень, то их дружбе скоро конец).

Впоследствии происходит сплетение верований. Возникшие независимо друг от друга различные мотивы и формы сливаются вместе. Так, идея умилоствления и жертвоприношения соединившись с анимистическим же представлением о хозяине горы, дает в результате культ «обо». Нередко к каменным кучам приурочивается та или иная локальная сага — о витязе, шамане, погребенном в данном месте, о прохождении войска и т. д. Такой синкретический характер происхождения каменных куч отчетливо обнаруживается в истолкованиях, которые дает им народная вера, и которые нередко колеблются между различными точками зрения.

Действительно, первоначальный смысл кидания камней на могилы покойников, погибших преждевременною или насильственной смертью, очень хорошо сохранился во многих случаях: представление о кидаемых на могилы «заложных» покойников вещах, как оберегах от нечистой силы,³ груды камней над трупами *ἄωροι, βιαιοδάνατοι*, в преданиях греков,⁴ вера в боходоев у бурят и т. д. Затем, апотропейческое значение камнеметания расширяется. Аполлоний Тианский, по преданию, прекратил моровую язву в Эфесе, посоветовав его жителям побить камнями демона.⁵ Онокл был побит камнями по велению оракула для прекращения засухи.⁶ Сюда же следует отнести обычай арабов побивать в Мекке камнями шайтана,⁷ обычай, в котором голландский ученый M. Th. Houtsma⁸ видит символическое побивание камнями демона зноя и засухи (*den daemon der zonnehitte*). Типичный апотропейческий характер носит шведский обычай кидать камни в места,

¹ Gruppe. Op. cit., p. 901—902.

² Abergl. № 894.

³ Д. К. Зеленин. Op. cit., стр. 29.

⁴ B. Schmidt. Op. cit.

⁵ Philostr. vit. Apoll. IV, 10 sq.

⁶ Plut. quaest. Graec. 26.

⁷ Liebrecht. Op. cit., p. 280 sqq.; Wellhausen. Reste arab. Heidentums², p. 80; Curtiss. Ursemitische Religion, p. 76; Chavin. Le jet des pierres au pèlerinage de la Mecque. Annales de l'Académie royale d'archéologie de Belgique, 5 série, t. IV, p. 272—300.

⁸ Verslagen en Mededeelingen der K. Akad. van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, vierde reeks 1904, t. VI, p. 194 sqq.

оскверненные грехом или преступлением, чтобы не заразиться *μύσος*.¹ В центральной Австралии бросают ветки в кучу, чтобы отвратить от себя вредное действие ее и не заболеть желудком.²

Наряду с апотропеическим значением камнеметания развивается гиластическое и катартическое. Древне-греческое предание о символическом побиении камнями Гермеса соединяет в себе оба последние момента: умилоствление разгневанной души убитого Гермесом Аргуса и очищение от греха (*ἀφωσιωμένους τὸ ἅγος καὶ τῆς ἀνδροφονίας ἀπολύοντας*.³ *βάλλοντες οἷον ἐχεῖνον* [τὸν Ἑρμῆν *Е. К.*] *καὶ οὕτω τὴν τοῦ φόνου ποίνην ἀφωσιώσαντο*⁴). Гиластический элемент в сочетании с анимистическим представлением о горном духе находим мы в «обо» такого типа, о котором сообщает, например Цыбилов:⁵ на перевале Дамн-ла, по дороге от Гумбума до Лхасы, богомольцы стараются умилоствить духа этого места, кидая камни в кучу в виде жертвы. Равным образом телеуты и алтайцы бросают на перевалах камни, в качестве жертвы хозяину горы.⁶

Характер жертвоприношения приобретает обычай кидания вещей в кучу, когда бросают не только камни, но и монеты, ленты, подвязки, обувь.⁷ Нередко этот характер выражается в словесной формуле, сопровождающей действие: в одной местности Германии кидают камень со словами: «*Wir wollen den Nachtfräulein auch ein Opfer bringen*».⁸ По свидетельству Павсания (I, 41, 9), на могиле Терее в Мегарах ежегодно приносили жертву «не ячменными зернами, но камешками».

Катартическое значение имеет ритуальное осыпание друг друга камнями (*βάλλητός* в Елевсине в честь Демифона, литоболія в Трезене⁹) или кидание камней, как средство, исцеляющее от сумасшествия.¹⁰

Чисто магическое значение получает кидание камней за пазуху для поднятия мужской силы¹¹ или при виде ласки,¹² как и в *sage* о Кадме,¹³ об Аргонавах¹⁴ и т. д.

¹ Liebrecht. *Op. cit.*, p. 274.

² Frazer. *Op. cit.*, Bd. I, p. 162.

³ Schol. ad *Odyss.* π 471 II 633 Dind.

⁴ Eustath. ad *Odyss.* π 471.

⁵ *Op. cit.*, стр. 79, 321.

⁶ «Тудын äzi» (сообщено Н. П. Дыренковой).

⁷ Примеры у Liebrecht, *op. cit.*, p. 273; Kahle, *Zeitschr. f. Volksk.*, 1902, Bd. XII, p. 206; Samter, *Geburt, Hochzeit, Tod*, p. 201.

⁸ Wuttke. *Deutsch. Abergl.*, § 32.

⁹ Hesych. s. v. Βάλλητός, Hom. h. in Dem. 275 sqq.; Paus. II, 32, 2.

¹⁰ Paus. IX, 11, 2.

¹¹ Petron. p. 131 Bachel.

¹² Theophr., *char.* 16.

¹³ F. H. G. I, 83, 44.

¹⁴ Hyg. *fab.* 22.

Вокруг каменных куч зачастую слагаются локальные саги, носящие этиологический характер, но иногда обнаруживающие и истинную подкладку возникновения *эрмэйх-«обо»*. Ряд таких преданий приводится Д. К. Зелениным:¹ легенда о разбойнике Анике (Вологда), об алчном Батуринце (Черниг. губ.), о витязях (Псковск. губ.), Святославе (Галиция) и др. У итальянцев существовало предание, связанное с кучей камней на вершине Гарганской горы; здесь была могила двух братьев, которые убили друг друга из за любви к одной и той же девушке; каждый прохожий считал своим долгом бросить камень на их могилу.² Вот сказание о происхождении современных нагорных жертвоприношений, записанное у катинцев и сагайцев:

«... В июне месяце, на высокой горе, между грудой камней вставляют ветвистую березу, подле которой из ее же ветвей устраивают столик о 4-х ножках, вбитых в землю. Затем трижды обходят березу, ведя с собой белого, холощенного барана, с согнутой правой передней ногой, и кропя молоком. Потом распарывают брюхо барану и разрезав мясо на куски, не ломая костей, варят в котле; сваривши мясо складывают его на столик и, вместе со столиком, ходят вокруг березы трижды, привязавши к ее веткам и к шапкам присутствующих по белому и синему лоскуточкам. В хождении вокруг березы участвует шаман, но без бубна и, благословляя жертву и призывая покровителей всех гор и рек молиться духу неба... Этот обычай горного жертвоприношения был установлен в одной небесной грамоте, которая была послана Богом Аврааму, когда он, доказавши, что из любви к Богу не пожалеет и родного сына, приготовился распороть ему брюхо, положив его на спину на вершине горы, у белой березы. Нож у Авраама был складной. Одновременно с бумагой, Авраам увидал и белого холощенного барашка, которого и принес по обычаю нынешних сагайцев и кагинцев в жертву Богу, духу неба».³

Часто мы встречаем в народном суеверии сплетение мотивов происхождения каменных куч: так, причинами постановки «обо» буряты считают то, что в данном месте проходил некогда Чингиз-хан, пожелавший исчислить свое войско, что здесь источник вод, орошающих долину, и что куча сооружена в честь хозяина данной кучи («обогану *адзі*») или округа.⁴

Таким образом, синкретический характер культа каменных куч не подлежит, как мне кажется, сомнению. Сочетание нередко противополож-

¹ Op. cit., стр. 31 сл.

² Serv. ad Aen. XI, 247.

³ Н. Ф. Катанов. Предание присаянских племен о прежних делах и людях. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Зап. Имп. Русск. Географ. О-ва по Отд. Этн., 1909 г., т. XXXIV, стр. 282—283.

⁴ П. А. Равинский. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, стр. 576.

ных мотивов обнаруживается, например, в побоевении камнями пленных мес-
синцев над могилой Филопмена,¹ которое является одновременно знаком
почета для Филопмена и «квалифицированную» казнь для убивае-
мых. У бурят (Аларский аймак) на холме возвышается куча камней,
считаемая могилой одного великого шамана и, вместе с тем, играющая
роль жертвенника хозяину данной округи.² Так соединяются в каменных
кучах гетерогенные элементы: апотропейческая и контагиозная магия,
жертвоприношение хозяину горы и забрасывание могилы опасного покой-
ника, момент умиловления и проклятия, к которым присоединяется еще
локальная этнологическая сага, вырастающая на почве культа героев и
предков. В первоначальной же своей форме монгольские «обо», повидимому,
представляли собою жертвоприношение хозяину горы, духу, живущему на
горной вершине подобно критско-микенским богиням; и это жертвоприно-
шение, увеличивая размеры и мощь горы, мыслится, как знак преклонения
перед хозяином данной местности.³

E. KAGAROW.

Die mongolischen „Obo“ und ihre ethnographischen Analogien.

Resumé.

Die Verehrung der Steinhaufen, die in Centralasien «Obo» genannt
werden, ist in ihrer ursprünglichen Form auf den Kultus der Berggeister
zurückzuführen, wobei das Steinwerfen als ein Opfer an diese Geister
aufzufassen ist, das nach primitivem Glauben die Grösse und die Macht des
Berges erhöhte. Später haben sich andere (heterogene) Vorstellungen an
diesen ältesten Kern des Ritus angegliedert, wie z. B. der Gebrauch die
Gräber der βιαιθάνατοι mit Steinen zu beschützen, die Sitte einen Stein
während der Reise auf den Haufen zu werfen um die Ermüdung von sich
abzuschütteln usw. Oft knüpfen sich verschiedene Lokalsagen an solche
Steinhaufen an.

¹ Plut. Philop. 21.

² Сообщено Л. Амстердамской.

³ О культе «хозяев» в первобытной религии см. ст. проф. Л. Я. Штернберга,
«Хозяин» в Энциклопед. Словаре Брокгауза и Ефрона, т. LXXIV, стр. 486—488.